

Гаккапелиты
Финские рейтары шведской армии в войнах XVII века

На Севере снежном очаг наш родимый,
В нем честью и верой пылают сердца.
Где берег в прибое, где край наш любимый,
Меч с детства привычен руке молодца!

В Неве наших добрых коней мы купали,
На них через Вислу мы плыли на бой,
Клинки свои в рейнский поток омывали
И пили вино на Дунае с тобой...

В огонь, как на праздник, спешат наши роты,
И искры летят из-под конских копыт.
Сверкает на шпагах нам солнце свободы,
Которую любит гаккапелит!

Закариас Топелиус. Марш финской кавалерии Тридцатилетней войны.
(перевод автора)

Всякий турист, побывавший в музее древней крепости Кексгольм (Корела) в Приозерске, узнает от гида, что ворота круглой башни Ларса Торстенссона (Пугачевской) после взятия русскими в 1710 году по приказу царя Петра в знак победы были обиты трофейными кирасами шведских кавалеристов, и даже сам сможет прикоснуться руками к этому уникальному артефакту. Это - единственная и, видимо, вечная память в нашей стране о гаккапелитах...

На вопрос: «Кто это такие?» большинство наших соотечественников разве что вспомнят зимние автомобильные шины фирмы «Нокиа». А между тем в соседней нам стране Суоми, о военной истории которой нам хотелось бы здесь поговорить, гаккапелиты имеют славу, сравнимую разве что со славой казаков в России, гусар в Венгрии и Польше, янычар в Турции, самураев в Японии. В короткой военной истории страны, шесть веков находившейся под шведским, а более столетия - под российским владычеством, гаккапелиты занимают одно из самых почетных мест, и, надо сказать, по праву.

Финские кавалеристы на службе шведской короне сражались во всех войнах северной воинственной державы с XVI по XIX век. Особенно славная страница их истории, - эпоха Тридцатилетней войны 1618 - 1648 годов, когда они и получили свое прозвище «гаккапелиты» от их боевого клича «Хаккаа паялля!», что в приблизительном переводе означает «Бей по голове!» или «Руби сверху!».

Почему северный лесной народ выдвинул конников, не раз побеждавших

польско-литовских гусар и казаков, имперских кирасир и кроатов, русскую поместную и драгунскую конницу? Вроде бы финнам более подходит роль егерей, лыжников? Одна из целей данной статьи — ответ на данный вопрос.

Как известно из военной истории, при желании и надлежащем обучении в лихого наездника иногда можно превратить и местечкового еврея. Хорошими учителями финнов были шведские и ливонские командиры - потомки орденов рыцарей. Да и сами сыны страны Суоми вовсе не были в XVII веке народом, чуждым верховой езды.

Конь - неотъемлемая часть быта финского крестьянина, хотя, наверное, держался он на нем похуже, чем татарин или калмык. На сельских праздниках ярмарках нередко проводились скачки, выявлявшие лучших производителей, существовало несколько традиционных центров коневодства. Один из них находился на Карельском перешейке и именовался по-карельски Оривеси, а по-русски - «Коневы Воды». В Финляндии издавна выведена местная порода, ведущая свою родословную от дикой лесной лошади и славных коней викингов. Именно на финской породе, которую в Лифляндии скрещивали с породами казацкими и татарскими, гаккапелиты и проскакали от Балтики до Дуная и от Рейна до Днепра. „Финки“ темно-или светло-гнедые, низкорослые, от 148 до 157 см в холке, с несколько коровьим поставом ног, крепкие, выносливые, резвые, непугливые, послушные, неприхотливые и морозоустойчивые (в Ботническую войну суровой зимой 1808 - 1809 годов пали почти все лошади шведской кавалерии, кроме лошадей финских драгун).

На протяжении нескольких веков Финляндия являлась полем боя Королевства Швеции с Господином Великим Новгородом, Московским государством и Российской империей, и появление конных финских воинов вполне закономерно, особенно в связи с расширением шведской экспансии в Европе и заимствованием богатого кавалерийского опыта соседей.

Уже в 1541 году указом шведского короля Густава Вазы в его войске учреждаются особые части из финнов (слияние их со шведами было нецелесообразно, так как государственный язык они знали плохо или не знали совсем, к тому же сильно с ними различались по менталитету.)

Финляндская конница XVII века развивалась как рейтарская. Рейтары, как известно просвещенному читателю данного издания, - зародившийся в Германии род легкой кавалерии, обученной стрельбе из пистолетов в пехотные порядки противника поочередно заезжающими на разный манер шеренгами (тактика караколь - в переводе „улитка“), чтобы потом опрокинуть расстроенные ряды неприятеля атакой. Эти „ездящие стрелки“, имевшие стальные шлемы, кирасы, пару седельных пистолетов и длинный меч (шпагу, рапиру), не требовали длительной выучки, дорогостоящих тяжелых доспехов и специально выезженных сильных коней, как блестящие рыцари и кирасиры.

Рейтар довольно быстро готовили из вчерашних крестьян на сельских лошадках.

Однако практика войн XVII века потребовала от шведских рейтар универсализма - и таранных атак, и умения рубиться в конной свалке, и набеговых партизанских действий, - всего того, что прекрасно умели делать их противники. При короле-полководце Густаве II Адольфе Ваза его рейтария принимает атакующий стиль боя, стреляя из пистолетов только первыми двумя рядами (первый ряд стрелял дважды — с 20 и 5 метров) и далее действуя холодным оружием (кстати, знаменитый шведский рассекающий „удар смерти“ через плечо вызвал в европейских армиях введение стального погона, затем ставшего суконным). Этот прием оказался очень эффективен против польско-литовской конницы, особенно легкой.

По древней рейтарской повинности мыз, идущей с XVI века, избравшие ее свободные шведские и финские крестьяне снаряжали со своего имени или группы дворов кавалериста в полном вооружении, пользуясь за это временным или пожизненным освобождением от тяжелых налогов и трудовых обязанностей, включая рекрутский набор (согласно древнему установлению „служащий королю на коне не несет повинностей“). Кроме того, такие имена не могли быть пожалованы дворянам. Крестьянин, выставивший королю кавалеристов, сам мог выйти в ряды низшего служилого сословия «фрельзов», а его сын - заслужить унтер-офицерский чин и даже рыцарские шпоры, получить надел за верную службу и отличия в боях. Поэтому рейтарскую повинность многие крестьяне считали хорошей альтернативой государственному тяглу.

В рейтары обычно шли младшие сыновья крестьян или служилых людей, не имевшие доли в наследстве, иногда выставляли зятя-приймака, специально для этого взятого на воспитание сироту или наемника. В случае смерти, увечья или дезертирства конника, утраты лошади, оружия и снаряжения они должны были заменяться. В меньшей степени набирали финских рейтар и по вербовке, зачастую принудительной, а с 30-х годов XVII века стали брать по рекрутскому набору.

В отличие от принудительно взятых в рекрутчину пехотинцев рейтары считались как бы волонтерами и поэтому имели свой кавалерийский гонор и менталитет. Они получали большее жалование, которое не так задерживали, а на войне у них было больше возможностей для захвата добычи.

В ротах (или корнетах, в разное время насчитывавшего от 40 до 100 конников), собирали в основном жителей из одной округи (уезда), иногда из одного прихода, в эскадронах (хоругвях) и полках - из одного лена (провинции), что усиливало солдатскую земляческую спайку.

Попадали в финские роты и лапландцы (саамы), слывшие в Европе

„народом колдунов“, который якобы своим ведовством помогает шведам побеждать, и даже финляндские цыгане, ценимые за храбрость и хорошее знание „материальной части“ кавалерии, кузнечного, шорного и ветеринарного ремесел. Служили в рейтарах православные карелы из аннексированных у Московского государства земель, но они считались не слишком благонадежными, особенно в войнах с русскими.

В начале XVII века шведско-финские кавалеристы в войнах с Речью Посполитой в Лифляндии не снискали себе особых лавров, а горечь поражения вкушали неоднократно. В июне 1601 года литовская гусарская кавалерия Радзивилла и Ходкевича разгромила в битве при Кокенгузене войско Карла Гюлленхельма, при этом во встречном бою были легко опрокинуты до тысячи левофланговых финских рейтар Врангеля, первыми начавших атаку.

А в сентябре 1605 года при Кирхгольме гетман Ходкевич всего с 2,4 тысячами гусарской и казацкой конницы учинил настоящее избиение 11-тысячной армии герцога Карла Седерманландского, отца Густава Адольфа. В шведском войске на левом крыле в полку Брандта сражались три хоругви финских рейтар, а в третьей линии в полку Леннартсона - еще три по 200 - 250 человек. Потери шведов составили от 6 до 9 тысяч, литвинов - всего около 100 убитых.

Первые свои победы одержали финские рейтары в Московском государстве, куда в годы Смутного времени по Выборгскому договору между правительством Василия Шуйского и Швецией в феврале 1609 года был направлен 5-тысячный наемный шведский отряд 27-летнего Якоба Делагарди (3 тысячи пехоты, 2 тысячи кавалерии.). Действия его довольно подробно изложены в труде шведского историка Юхана Видекинда «История 10-летней шведско-московитской войны.»

Отряд состоял из шведов, финнов, немцев и французов, в составе конницы имелось до половины финских всадников (командир Линдер Классен.) По договору наемникам обещалось русской стороной очень хорошее по тем временам месячное содержание – 25 рублей (риксдалеров) рейтару, 12 рублей пехотинцу, 4 тысячи рублей полковникам и 5 тысяч рублей генералам, причем при задержке жалованья его следовало компенсировать вдвое.

Двигаясь из Новгорода на юг вместе с русским войском князя Скопина-Шуйского, в мае шведский передовой отряд Эверта Горна численностью 2 тысячи рейтар и пехотинцев наголову разбил „воров литовских“ и сторонников самозванца под командованием Керножицкого и князя Шаховского при Старой Руссе, а в июне у Торопца, взял Порхов.

12 июля под непрекращающимся дождем состоялась упорная двухдневная битва шведов с войском Зборовского под стенами Твери, где

финскими рейтарами правого крыла командовал сам Делагарди. В критический момент боя, когда дрогнули немцы, французы и русские, именно возглавляемая им атака финской кавалерии на три сильнейших неприятельских хоругви спасла положение, враг обратился в бегство. Судя по описанию Видекинда, в первых рядах противника действовала легкая конница с луками и в кольчугах (казаки, литовские пятигорцы), а во второй линии — тяжелая копейная кавалерия (гусары, боярская конница). Так что этот день Тверской битвы, видимо, и следует считать датой первой победы финской рейтарии над польско-литовской гусарией.

Шведам удалось одержать верх до темноты, но на завтра поляки, литвины, казаки и русские сторонники Лжедмитрия были в новом бою разбиты и отступили в крепость. Ночной приступ Твери Делагарди не удался, и он пошел дальше, оставив город в тылу.

Войско стало под Калязином на Волге, воодушевленные победами союзников, все новые и новые города и земли отходили от самозванца. Однако в начале августа финская кавалерия взбунтовалась из-за невыплаты жалованья. Рейтары заявили, что их ведут в глубь России на убой, так что семьи, оставленные в Финляндии, будут брошены властями безо всякой помощи, что московская сторона вероломно не выполняет своих обещаний, а русские во время сражений, когда наемники дерутся, бросаются грабить шведский лагерь с их законной добычей и имуществом. Финны двинулись обратно на Новгород, захватив знамена и увлекая с собой офицеров, примеру их последовали французы и немцы.

Делагарди нагнал колонны и увещеваниями, уговорами и угрозами обнаженным мечом усмирил бунт, силой вырвал у мятежников знамена, вернув их законным носителям, и восстановил командование и дисциплину. Никто не был наказан, так как наказывать бы пришлось всех, а давать огласку данному событию перед своими нанимателями командующий не захотел.

Деньги, коней, сукно и меха Скопин-Шуйский вскоре прислал, но поздней осенью подавляющее большинство наемников, отказывавшихся воевать, пришлось отправить через Новгород восвояси в Финляндию в сопровождении командующего. По пути они, окончательно выйдя из повиновения, грабили русские деревни и учиняли насилия над женщинами. Прибыв в Новгород, вслед им Делагарди мстительно направил просьбу выборгскому наместнику о проведении над прибывшими из Московии солдатами следствия с целью выявления и наказания смутьянов.

В январе 1610 года на Верхнюю Волгу прибыло новонабранное из разноплеменных наемников войско в числе до 1 800 человек, и в его числе финская рейтарская лейб-рота роты командующего кавалерией Корнелия Поссе. Союзники сняли осаду Троице-Сергиевой обители, разбили Сапегу под

Переславлем, Александровской слободой и Иосифовым монастырем, деблокировали Москву. Зимой боевые действия финны и шведы часто вели на обитых железом лыжах, не давая конным литвинам и казакам выезжать из их лагеря на фуражировки, преследуя их санные обозы при отступлении.

В марте 1610 года корпус Делагарди торжественно вступил в русскую столицу, сам полководец был с почетом принят в Кремле царем Василием Шуйским, он и его офицеры были осыпаны богатыми дарами, солдаты не знали отказа в яствах, вине и пиве. Трехмесячное праздное пребывание в Москве так разложило наемников, что Делагарди вынужден был вывести в окрестные деревни.

В мае на Смоленщине к Делагарди присоединился вышедший из Новгорода отряд Эверта Горна, состоящий из наемников разных наций, в котором один рейтарский корнет был финским.

В июне 1610 года при Клушине 35-тысячное войско царского брата князя Дмитрия Шуйского, где добрую четверть составлял наемный корпус Делагарди, собираясь деблокировать Смоленск, потерпело катастрофическое поражение от 6 тысяч гусар и казаков гетмана Жолкевского. Основными причинами поражения стали отказ сражаться разложившихся в своей массе наемников под предлогом невыплаты жалованья командующим (надо сказать, что Делагарди явно хотел сэкономить перед сражением на убитых), измена некоторых иноземных полковников, вступивших в сговор с противником, преступное бездействие и бегство бездарного и трусливого Дмитрия Шуйского. Как подчеркивает Юхан Видекинд, если почти все иностранные наемники в ходе сражения или после него перешли к противнику, то „наши шведы и финны после первого натиска четыре часа выдерживали жесточайшие налеты конницы с копьями, пока не сломило их предательство иноземцев.“

Финал наемнического «анабасиса» «Смутного времени» был позорным. Заключив ради собственного спасения соглашение с Жолкевским о свободном уходе, Делагарди с Горном двинулись восвояси всего с 400 шведскими и финскими солдатами (остальные нанялись к врагу). В Старице остатки богатейшего обоза полководцев были дочиста ограблены взбунтовавшимися французскими наемниками, к которым примкнули свои же, и в итоге оба героя московской эпопеи вернулись в Новгород практически нищими в сопровождении всего нескольких самых верных финских драбантов.

Далее Королевство Швеция, стянув новые силы, перешло к открытой шестилетней интервенции на Русском Севере, проводя территориальные захваты и выдвигая кандидатуры своих принцев на московский стол. В войске Делагарди, который сел в захваченном Новгороде наместником и главнокомандующим войсками оккупированного края, насчитывалось несколько хоругвей финских рейтар, которые принимали участие в осадах и

оккупации Новгорода, Орешка, Копорья, Корелы, Ладоги, Тихвина с монастырями (хоругвь павшего на штурме Христерна Ханссона), Порхова, Яма, Ивангорода, Гдова. Одна рота финских рейтар участвовала в экспедиции по Северному Приладожью отряда Ханса Мунка, в ходе которой шведы разбили русских при Ристилахти и встретились на Свири близ Олонца с рейдирующим по Русскому Северу отрядом нанятых Делагарди лисовчиков, казаков-“черкасов“ Сидорка и Барышпольца. Там в марте 1614 года «интервенты» были порознь разбиты и вытеснены за шведский рубеж правительственными войсками — стрельцами и казаками тихвинского воеводы и служилыми татарами Барай-мурзы Кутумова.

В последней осаде Пскова в июле - октябре 1615 года, ставшей завершающим аккордом затянувшейся войны, участвовали финские хоругви Хенрика Монссона, Отто фон Гротхузена, Андреаса Понтса, Акселя Мортенсона, всего до тысячи всадников. Воевать им довелось под началом самого молодого короля Густава II Адольфа Вазы.

Первый полководческий опыт неудавшегося царя всея Московии тоже был неудачен: псковичи отбивали все штурмы, делали конные вылазки. 21 июля на глазах Густава Адольфа был «стрелен с самопала в голову» сам фельдмаршал Эверт Горн, с презрением к опасности поскакавший в бой во главе финских рейтар в блестящих доспехах и платье, погиб полководец, которому король говорил: „Ваша жизнь для меня дороже Новгорода.“

Осаждавшие в своих лагерях голодали, пошли дожди, от эпизоотии пали лошади, и Густав раздал финским рейтарам все свои королевские конюшни. Решающий штурм не удался – псковичи выбили неприятеля из проделанного в стене пролома, пал на приступе генерал-квартирмейстер Роберт Мюр, командир финской конницы. 17 октября, накануне приближения зимы, шведам пришлось снять осаду Пскова.

Со времен сидения в осадном лагере в Снетогорском монастыре король Швеции и Финляндии полюбил финских конников за храбрость, выносливость и верность. Он жаловал их именьями на завоеванных землях, изучил их весьма непростой язык, на войне не раз брал в свой эскорт, рекогносцировки и конные разведки, а финны не единожды спасали в бою жизнь своему „кунинга Кустаа“. (Среди них ходила легенда, что короля бережет от пуль и мечей стальное кольцо, которое он еще принцем получил от какой-то финской ведьмы, а по более романтической версии, от некоей прекрасной финляндки, любовью к которой он пожертвовал ради трона.)

Последние два года оккупации на новгородских землях свирепствовали голодный мор, чума, массовый падеж лошадей. Местные жители вымирали и бежали тысячами, но большой урон понесли и сами оккупанты. Ко времени заключения Столбовского мира в феврале 1617 года, отдавшего Швеции

Карельский перешеек с Корелой, Северное Приладожье и Ижорскую землю с устьем Невы, в новгородских землях в составе оккупационных сил оставались более двух тысяч финских рейтар: хоругви Клааса Кристерссона, Ханса Мунка и Акселя Матсона (Новгород), Отто фон Гротхузена, Хенрика Монссона, Андерса Паули и Акселя Мортенсона (крепости Ям, Копорье, Орешек, Ладога и другие пункты в Ижорской земля.)

После Московской войны финские рейтары были объединены в четыре хоругви – Финляндскую Йенса Курка (Клааса Кристианссона), Тавастландскую Андерса Паули, Нюландскую Отто фон Гротхузена и Карельскую Ханса Мунка численностью от 230 до 300 всадников, делившуюся на три корнета, а в гвардейской кирасирской хоругви также был финский корнет. В мирное время «земельные» хоругви (landsryttare) размещались на землях своих ленов и комплектовались из местных уроженцев. Штат рейтарской хоругви включал ротмистра, лейтенанта, фенриха (прапорщика, знаменосца), 5 капралов, писаря, квартирмейстера, профоса, двух трубачей, пастора и цирюльника.

Кроме того, в войнах века финские рейтары входили в состав набираемых в провинциях дворянских хоругвей, или адельсфанов — Финляндского и Ингерманландского.

Закончив одну войну, молодой король начал другую, с Речью Посполитой, продолжавшуюся с перерывами целых 12 лет. В итоге войны 1617-1617 годов король захватывает Пернов (Пярну), при этом в боевых действиях участвуют финские рейтарские хоругви Отто фон Гротхузена и Андерса Паули.

В 1621 – 1622 годах в ходе военной реформы Густава Адольфа громоздкие хоругви сменяются лучше управляемыми ротами по 125 человек, объединявшихся во временные эскадроны и полки численностью от 300 до 600 всадников (иногда полки именуются эскадронами). Штат роты включал ротмистра, лейтенанта, корнета, штандарт-юнкера, фурьера, квартирмейстера, двух капралов, двух трубачей, писаря, профоса, пастора, кузнеца и цирюльника. Оснащение финских рейтар в то время было неважным: по результатам смотра 1623 года половина личного состава 11 рот не имела кирас, видимо, обходясь кожаными колетами, а четверть не имела положенной пары пистолетов.

Летом – осенью 1621 года король с большим войском осаждает и берет Ригу, в 1621 – 1623 годах воюет в Курляндии с гетманом Радзивиллом. В боевых действиях участвуют финские рейтарские роты Акселя Матсона, Андерса фон Гротхузена, Райнхольда Вюнша, Нильса Монссона, Олафа Дуфвы, Йенса Курка.

К началу новой войны с Речью Посполитой летом 1625 года в Эстляндии в отряде Густава Горна, сосредоточенном в крепости Нарва, было

сосредоточено 9 финских рейтарских рот (Густава Горна, Герда Скютте, Олафа Дуфва, Райнхольда Анрепа, Андерса Паули, Клааса Бертельсона, Оке Свенссона, Райнхольда Вюнша, Фабиана Врангеля.) Наступающий от Риги отряд шведского короля вместе с соединенным отрядом Делагарди и Горна за три месяца занимает почти всю Лифляндию. Финские рейтары участвуют во взятии Дерпта, Мариенбурга и неудачной осаде Динабурга.

В январе 1626 года у Вальгофа в Курляндии Густав Адольф, предприняв внезапный поход в ночь на Рождество, наголову разбил войско Сапеги. Когда литовцы под давлением превосходящих сил шведов начали отступление по узкому межозерному перешейку, король послал в атаку фланговые кавалерийские крылья генерала Горна и графа фон Турна, по шесть финских и по три шведских роты в каждом (финские роты Густава Горна, Райнхольда Вюнша, Фабиана Врангеля, Генриха фон Ховена, Якоба Бенгтсона, Ларса Линделефа, Клааса Бертельсона, Герда Скютте и Джона Рамзая.) Рейтары опрокинули пытавшихся контратаковать гусар и учинили разгром пехоты и обратившейся в бегство конницы. Потери литовского войска составили от 700 до 1200 убитыми и 150 пленными, а отряд Густава, судя по его письмам, вообще не понес потерь! Прославленная польско-литовская гусария понесла от финнов свое первое поражение за последние 150 лет...

Еще более отличились финские кавалеристы в Польской (Королевской) Пруссии, где летом 1626 года высадились войска Густава Адольфа. В серии из трех сражений при крепости Меве (Гнев) в сентябре этого года король-полководец отразил все атаки кавалерии своего кузена короля Польши Сигизмунда III Ваза, перешел в наступление и заставил поляков снять осаду крепости. В битвах с польскими гусарами и казаками участвовали две роты финских конников Герда Скютте и Райнхольда Анрепа, которые король лично водил в бой.

Согласно легенде, в одном из боев Густав чуть не погиб, окруженный казаками, еще не догадавшимися, что офицер, который отбивается от них шпагой, - сам король Швеции. Оказавшийся с ним рядом финский рейтар, чтобы не выдать врагу, кого надо спасать, закричал: «Все сюда, выручайте брата моего!» и успел отбить стволом своего пистолета саблю от «кунинга Кустаа». Подоспевшие финны отразили запорожцев, но вскоре в переплет попал и сам рейтар, а на выручку ему поспешил уже Густав Адольф с эскортом. После схватки он с удовлетворением заметил: «Ну вот и я тоже спас брата моего!» и прямо на поле брани совершил ритуал посвящения в рыцари.

Названный брат короля, рейтар Партайнен родом с хутора Сулкава в лене Саволак, получил дворянский герб в виде скрещенных пистолетов и новую фамилию Пистолькорс („пистолет крестом“), хорошо известную впоследствии в военной истории и Швеции, и России.

В тяжелой войне в голодных и чумных Пруссии и Лифляндии финны отличались не только в сражениях, но и в разведках, партизанских рейдах, грабительских фуражировках и угонах скота, за что и получили у иностранных наблюдателей прозвища «шведские татары» и « казаки Густава Адольфа».

Нельзя не отметить, что наряду с такими традиционными национальными качествами, как храбрость, выносливость и верность, многие отмечали у финнов и жестокость по отношению к врагам и местному населению. Известен эпизод, когда при размене пленный польский офицер уговаривал командира финских рейтар не убивать тех, кого не удалось разменять, взывая к тому факту, что «Ведь мы, как и вы, христиане...»)

Однако у врага как капелиты имели славу не только жестоких, но и бесстрашных, не сдающихся в плен воинов. Правда, однажды в 1628 году в Лифляндии 11 финнов попались в неволю, их почему-то не разменяли и отправили на крепостные работы в Смоленск. Но оттуда рейтары быстро дали тягу на восток, были задержаны под Вязьмой охранявшими границу служилыми татарами и доставлены в Москву, где их судьбу решил сам государь Михаил Федорович. Ради сохранения хороших союзнических отношений с „братом Густавом“ он явил к его храбрым и верным солдатам царскую милость. С ног до головы одетые в русское платье и снабженные «подъемными» финны в сопровождении выполнявшего какую-то дипломатическую миссию московского боярина были доставлены в шведскую Нарву.

Численность финской кавалерии, доказавшей свои прекрасные боевые качества, постоянно росла. Если в начале войны в Пруссии насчитывалось всего четыре рейтарские роты эскадрона Оке Тотта (Тотта, Бенгта Багге, Герда Скютте и Райнхольда Анрепа), то через год уже семь, объединенных в полк Оке Тотта. В конце войны их было уже четырнадцать под общей командой полковника Тотта — полк Ханса Экхольта (лейб-роты Экхольта и Тотта, роты Клааса Мунка, Торстена Стольхандске, Юхана Ларссона, затем Эрнста Линделефа, Матса Эрикссона, Майкла Джордана), и полк Райнхольда Анрепа (роты Анрепа, Генриха Нединга, Морица Шоренберга, Бальтазара Вегезака, Эрика Хенрикссона, Абрахама Илле, Людвиг Грюнфельда.)

Столько же рот насчитывалось и в течение войны в армии Горна в Лифляндии (лейб-роты Густава Горна и Райнхольда Вюнша, Иоганна Витгенберга, Отто Иксюля, Джона Рамзая, Генриха Язепсона, Клааса Бертельсона, Ханса Дуссе, Герда Хеннингхузена, Фабиана Врангеля, Ионаса Клингебайля, Дитриха Вольфельда, Джона Хендерсона, Зеппа Сакса). Так называемый «полк Горна» (или «кавалерия Горна») находился под командой подполковника Вюнша и вместе всеми ротами никогда не действовал.

Столь частое отслеживание в тексте ротных командиров в разные годы

не случайно — как можно видеть, в финской рейтарии был создан стабильный кадр опытных и заслуженных ротмистров, эскадронных и полковых командиров, многие из которых впоследствии вышли в знаменитые полководцы (Тотт, Стольхандске, Анреп, Вюнш, Виттенберг, Рамзай, Паули, Врангель-младший, Икскуль и др.).

Финны к концу войны составляли две трети всей шведской конницы, и не было битвы, где бы они не отличались.

В июле 1627 года, будучи в разведке, 150 финских рейтар Оке Тотта и 180 шведских мушкетеров Лесли встретили у деревни Лангерфельд конный авангард Конецпольского из трех гусарских, двух драгунских и девяти казацких рот. Как свидетельствуют в своих письмах король и канцлер Оксиеншерна об этом небывалом бое, рейтары Тотта, воодушевившись мужеством отчаяния, во главе со своим командиром атаковали и опрокинули пять передовых казачьих рот, положив на месте от 150 до 300 казаков, 8 человек с хорунжим пленили, захватили 3 - 4 знамени, потеряв лишь одного убитым и до десяти ранеными.

Король с гордостью за своих любимых финнов писал: «Враг настолько обескуражился, что более не осмеливался на бой с нашими... И хотя противник следил, как они шли в свой гарнизон у Вислы, и видел, как развевались в их руках трофейные знамена, он не мог ничего поделать, кроме как отступить, и наши возвратились с похода победителями...»

Перед сражением при Диршау (Тчев) в августе 1627 года рейтары Тотта вновь спасли жизнь короля при рекогносцировке (он имел плохое зрение и постоянно заскакивал вперед). В первый день битвы шведская кавалерия, в составе которой было 4 финских роты Оке Тотта, одним «белым оружием» (шпагами) опрокинула и погнала по гатям через болото конницу гетмана Конецпольского, показав, что ее бывшее преимущество уже в прошлом. Победа шведов была несомненна, но на следующий день неосторожный король Густав был тяжело ранен мушкетной пулей и его войска отступили в лагерь (согласно той же легенде, в день битвы он почему-то не одел на палец свой талисман — стальной перстень.)

Эскадрон Экхольта участвовал в походе короля на Грауденц и Страсбург летом-осенью 1628 года, в феврале 1629 года эскадроны Экхольта и Анрепа в отряде фельдмаршала Врангеля под Гуржно участвовали в поражении войска Потоцкого под Гуржно, в июне участвовали в неудачной для шведов битве при Тщяне(Хонигфельд), где отделались небольшими потерями. На счету финнов в Лифляндии — победы при Вендене и Зельбурге (1627), неудача при Трейдене (1628).

На следующий год после заключения Альтмаркского перемирия с Речью Посполитой, в июне 1630 года, армия Густава Адольфа вступила в войну в

Германии, высадившись в устье Одера. В составе ее были полки Торстена Стольхандске и Райнхольда Вюнша - всего до тысячи закаленных в боях финских всадников.

Европу финны поразили. Один французский офицер на шведской службе писал: «Это настоящие железогрызы! Финны по своему сложению люди низкорослые, но отважные и привычные к лишениям. Служат они на скудном рационе, обходясь без удобств. Это воистину люди из железа, и никакое оружие их не устрашает, никто не заставит их отступить - того в отряде, кто поворачивается к врагу спиной, они более не считают сыном своей Отчизны. Было интересно наблюдать, как они идут в бой. У них сбоку на ремне висят точильные камни, и сразу после получения приказа о выступлении и барабанной дроби они начинают точить свои мечи, и кажется, что артель косцов готовится к покосу. Но с финнами не до игрушек, когда речь о сражении...»

Вместе с тем иностранцы отмечали и их бедность и мужиковатую неотесанность. Секретарь французской миссии при шведской ставке Шарль Ожье с насмешкой писал: «В обществе офицеров финляндской кавалерии я чувствовал себя будто бы среди конюхов...» По известным данным, финские рейтары, как и большинство шведов, носили в основном синее платье и шляпы серой или оранжевой шерсти с оторочкой из лосиной кожи, черненные двойные кирасы, которые часто заменяли колетами. Ротные знамена были разного цвета в каждой роте.

Как и поляки, немцы отмечали и жестокость гаккапелитов, как, например, в битве при Виттштоке 1642 года, где «все (пленные) были перебиты безжалостными финнами, для которых это привычное ремесло...» На одной немецкой гравюре того времени финляндцы, лифляндцы, лапландцы и ирландцы шведской армии изображались в виде одетых в шкуры страховидных дикарей с луками и стрелами, восседающих на фантастических животных, представляющих собой нечто среднее между грифоном и верблюдом. Имя гаккапелитов до самого окончания войны наводило ужас на Германию и Чехию, в батыево разорение которых «шведские татары» внесли свой значительный вклад. Не случайно была даже сложена католическая молитва: «*A horrible hакkapelitorum агmine libere nos Domine!* («От свирепых гаккапелитов освободи нас, Господи!»)

Имперцы редко оставляли в живых немногих пленных финнов, - подобным же образом шведско-протестантские войска поступали и с кроатами, убивая пленных даже при официальных капитуляциях, считая их жестокими варварами, на которых не распространяются законы войны.

В начале шведского периода Тридцатилетней войны (1630 - 1648) финские рейтары поначалу входили в состав двух полков - Вюнша и

Стольхандске. Кроме того, в войне участвовал финский Саволакский пехотный полк
Гастфера.

В победной битве при Брейтенфельде в сентябре 1631 года между войсками Густава Адольфа и имперцами Тилли финский полк подполковника Стольхандске, сражаясь на правом фланге вместе со шведской конницей, отразил семь яростных атак ранее непобедимых валлонских кирасир Паппенхейма и обратил остатки их в бегство, затем с шведскими рейтарами окружил и полностью вырубил полк герцога Голштинского и захватил позиции артиллерии, тут же обращенной против неприятеля.

Вот что писал в своем романе «Королевский перстень» основоположник финляндской национальной литературы и певец гаккапелитов Сакариас Топелиус: «При первом взгляде на эти в большинстве своем невысокие, коренастые фигурки верхом на низкорослых невзрачных лошаденках казалось совершенно невероятным, что они могут нанести удар рослым валлонцам на их горячих, крепко сбитых, огромных скакунах. Сам Тилли в речи, произнесенной незадолго до битвы перед войском, с презрением говорил о своих голодных, плохо экипированных врагах и об их лошадях, которые, мол, куда хуже самых дохлых немецких обозных лошадей. Но то, чего недоставало финским конникам в осанке и внешнем виде, с избытком восполняли их твердые, как железо, мускулы, их удивительное спокойствие, неколебимость и мужество перед лицом смерти. А их низкорослые лошаденки обладали выносливостью, немало способствовавшей победам финнов в их долгих утомительных многочасовых сражениях...»

Интересно, что перед битвой финский полк на марше, как и при Тщяне, сдал свои каски и кирасы в обоз, за что Густав Адольф в наказание лишил рейтар полковых барабанов (литавр), но после подвигов при Брейтенфельде, где шведы взяли огромные трофеи, милостиво вернул их обратно...

В победоносном движении армии к Рейну финские рейтары, следуя во главе с самим королем, встретили в Гессене превосходящий отряд кроатов в три тысячи сабель и в короткой схватке рассеяли его.

В октябре 1632 года отряд финских добровольцев дерзким ночным нападением овладел подъемным мостом и главными воротами неприступного епископского замка Мариенбург в Вюрцбурге на Майне, - главной католической твердыни Германии, в кровопролитном бою открыв путь штурмующим. Перебив имперских солдат гарнизона и оказавших сопротивление монахов, шведские войска приступили к добыче. Содержимое сказочно богатых сокровищниц еретики-победители делили шляпами и касками.

Секретарь короля , придворный, дипломат, ученый муж и военный

писатель Юхан Адлер Сальвиус так повествовал о тех золотых днях: «Не было того, кто не справил бы себе нового платья. Корова в лагере стоила риксдалер, а овца — несколько медяков.... Наши ребята из Финляндии, что теперь учатся жить на германских виноградниках, не скоро захотят вернуться домой, в свой Саволак. Во время лифляндских войн им часто приходилось довольствоваться пивной похлебкой и заплесневелым хлебом, а теперь финн пьет вино из каски и закусывает белой булкой...»

Далее Густав повел армию на юго-восток. В битве при реке Лех в Баварии в феврале 1632 года финские конники решили исход дела, переправившись через бурную реку и зайдя в тыл защищавшей предместное укрепление имперско-баварской армии Тилли, который был смертельно ранен. После битвы водивший финнов в бой герцог Бернгард Саксен-Веймарский и прозвал их «гаккапелитами» - за боевой клич «Хаккаа паялля!», а также, возможно, соединив вместе немецкое прилагательное «гаккен» («крючковатый») с древнегреческими воинами-«пелитами».

В битве при Альте-Весте под Нюрнбергом 24 августа 1632 года гаккапелиты Стольхандске вновь встретились в бою с «непобедимой» имперской конницей. В упорном сражении 24 августа у реки Регниц шведско-финская рейтария отразила, одолела и загнала лучших кирасир Гроненберга в илистую реку, а сам он пал смертью героя. На смену ему ринулась в атаку тяжелая баварская конница Фуггера и потеснила финнов к лесу, где противника встретили залпы шведской пехоты. В итоге Фуггер погиб, а его латники на огромных конях вновь были отброшены измученными гаккапелитами, боевой престиж которых поднялся еще выше.

В драматическом сражении с Валленштейном при Лютцене в октябре 1632 года, где пал их любимый «кунинга Кустаа», рядом с которым не оказалось его любимых «финнарна» (по их убеждению, перед битвой коварные «паписты» якобы выкрали у короля его перстень.) Гаккапелиты не дрогнули перед этим известием и достойно отомстили врагу за смерть своего короля, разбив противостоявших им кроатов и поляков (лисовчиков), а подошедший в конце боя Паппенгейм, пытавшийся со своими кирасирами атаковать их, погиб, по слухам, якобы сраженный рукой самого Стольхандске (по более правдивой версии, был убит двумя картечными пулями).

В 1634 году протестантская армия потерпела сокрушительный разгром при Нордлингене, а шведский командующий Густав Горн попал в плен. Пали там и многие оставшиеся к тому времени в рядах финские ветераны Лифляндии, Пруссии, Брейтенфельда и Лютцена, те, кто выжил в сражениях, не умер от чумы и не был перебит на фуражировках поодиночке баварскими крестьянами.

В восполнение потерь в том же году в рамках создания регулярной

армии из рекрутов в Финляндии были набраны и направлены в Германию новые рейтарские полки, в том числе Абоско-Бьернеборгский Туре Бьельке, Тавастгусско-Нюландский Торстена Стольхандске и Выборгско-Нейшлотский Отто фон Иксюля. Ядро их составили уцелевшие ветераны. Эти полки, а также образованные позднее Карельский рейтарский и Ингерманландский драгунский полки просуществовали под своими именами в составе шведской королевской армии до 1809 года, до самого завоевания Герцогства Финляндского Россией.

Отличились финские конники также и во второй битве при Брейтенфельде и Витштоке (1642), где удар в тыл имперцев кавалерии Стольхандске и Кинга решил исход дела, в походах в Силезию, Чехию и Данию, при Янкове (1645) и Ленце (1648)

Численность финских рейтар - гаккапелитов в войске то поднималась, то падала от боевых и небоевых потерь (главным образом чумы), и мало кто из вступивших в эту войну увидел ее конец, когда численность коренных шведов в армии не превышала и тысячи человек.

Торстен Свенссон по прозвищу Стольхандске (прозванный «Стальная перчатка» за то, что своей могучей ручищей плющил руки пленным офицерам в «настоящем шведском пожатии»), стал в 1643 году генерал-лейтенантом, командующим всей кавалерией и в следующем году умер от ран и болезней при походе в Данию. Финляндцы Стольхандске и Оке Тотт, оба — бывшие драбанты короля Густава Адольфа, после смерти удостоились погребения в некрополе Домского собора в Або (Турку).

Принимала участие финская кавалерия и в последующих войнах с Речью Посполитой, Данией и Россией, так что кости храбрейших сынов страны Суоми оказались рассеяны от Ладоги до Дуная и от датских Бельтов до украинской Ворсклы. Неудержимый, казалось бы, «шведский потоп» был наконец остановлен лишь под Полтавой, а окончательно финские драгунские и рейтарские полки были разгромлены русскими уже на их родине, в битве при Наппо (Стуркюро) зимой 1714 года. Разорение и смерть, которое гаккапелиты несли чужим землям, пришли и в их дома...

Финские войска шведской короны не раз были биты русскими также и в войнах 1741-1743, 1788 - 1790 и 1808 — 1809 годов, причем последняя (Ботническая) война положила конец национальным финским формированиям в шведской армии из-за перехода Финляндии под власть Российской империи.

В качестве послесловия заметим, что с образованием молодого государства Финляндия там в стремлении к обретению собственной истории вспомнили и легендарных рубак шведских королей. Гаккапелиты оказались очень востребованы финским национализмом и милитаризмом, пригодившись в

военной пропаганде второй мировой. В 30-е-40-е годы в стране вышел ряд фундаментальных исторических трудов об участии финнов в войнах с Россией, Речью Посполитой и в Тридцатилетней войне. Журнал правой военизированной организации «Шюцкор» назывался „Гаккапелит“. Интересно, даже одна из улиц оккупированного финнами в 1941-1944 годах Петрозаводска „удостоилась“ имени «Гаккапелиитан кату»...

Кавалеристов и танкистов финской армии воспитывали как наследников боевых традиций непобедимых латников Густава Адольфа. Почти все финские полки времен Тридцатилетней войны были воссозданы в новой армии Финляндии под прежними именами, старшинством и боевой летописью, как, например, кавалерийский полк Уусимаа (Нюландский), полк Хяме (Тавастгусский), объединенных в кавалерийскую бригаду, наследницу боевых традиций Тавастгусско-Нюландского полка Торстена Стольхандске. Она принимала участие в боях Зимней войны на Карельском перешейке, летом-осенью 1941 года пробилась к Беломорканалу, летом 44-го наносила контрудар по перешедшим финскую границу советским войскам у Куолисмаа-Лонгонваара и после перемирия с СССР была расформирована.

Несколько слов о строках, вынесенных нами в эпиграф. Слова «Марша финляндской кавалерии Тридцатилетней войны» (1872) написал один из отцов национальной литературы Закариус Топелиус (он же автор приключенческого исторического романа про героев-гаккапелитов «Королевский перстень» (1851 — 1866), ставшего в стране не менее популярным, чем «Три мушкетера» во Франции). Текст марша на двух языках — шведском и финском, впоследствии положенный на музыку Ууно Клами, стал в конце XIX века знаком пробуждения формирующейся финляндской нации, ищущей в своей короткой истории славные примеры.

После провозглашения независимости Финляндии марш гаккапелитов являлся практически одним из гимнов ее Вооруженных Сил (и остается им и поныне). Популярен был марш не только в Финляндии, - в 1891 году его переняли в Германии, и он до сих пор находится в репертуаре военных оркестров бундесвера, а в шведской армии он являлся полковым для 1-го кавалерийского полка, ведущего свою историю от финских драгун XVIII века, и 19-го пехотного полка.

После поражения в двух войнах с СССР подряд милитаризм в стране, избравшей путь нейтралитета, стал не в моде и гаккапелиты стали просто историческим брэндом. Финны говорят: «Конечно, это плохо, что мы разоряли когда-то земли нынешних добрых соседей по Евросоюзу, но разве нам нельзя гордиться славными предками, проскакавшими от Невы до Дуная и от Рейна до Днепра?»

Между прочим, боевой клич «Хаккаа паялля!» в стране лесов и озер и

сегодня можно услышать довольно часто, - его кричат болельщики на трибунах во время международных хоккейных матчей с участием финской сборной...

Источники и литература

1. Ulf Sundberg. Svenska kriget 1521 – 1814. Stockholm (S), 1998.
2. Sveriges krig 1611 -1632. Generalstaben. I-IV. S., 1936 – 1939.
3. J. Mankell. Svenska regementenas historia. S., 1867.
4. A.Fryxell. Gustaf Adolf. S., 1894.
5. A.Korhonen. Sota Livinmaalla 1600-1617. Helsinki 1936.
6. A.Korhonen. Hakkapeliitain historia. Osa I, II. Porvoo – Helsinki, 1939 – 1940.
7. J.O.Hannula. Hakkapeliter jch karoliner. Helsingfors.1941.
8. Israel Hoppe. Burggrafen zu Elbing geschichte des ersten polnisch-swedische Kriegen in Preussen nebst Anhang. Leipzig, 1887.
9. Johan Adler Salvius. Brevis relation institutae ac solutae obsidionis Mewensis. Riksarkivet, Oxenstierna saml.
10. Юхан Видекинд. История 10-летней шведско-московитской войны. Сайт «Восточная литература», 2006.
11. Forum.historia.org. Welka oboiga narodow. Bitwy i woiny.
12. Skalman forum. Slaget vid Honigfelde.
14. R. Brzezinski. The army of Gustavus Adolphus. 1. Infantry. Osprey publishing Ltd. 1991.
- 15.R. Brzezinski. The army of Gustavus Adolphus. 2. Cavalry. Artillery. Osprey publishing Ltd. 1993.
18. А.В.Разыграев. Тактика Тридцатилетней войны. Reenaktor.ru
19. А.В.Разыграев. Военный костюм Тридцатилетней войны. Reenaktor.ru
20. Закариас Топелиус. Королевский перстень. Спб, 1999.
21. Zakarias Topelius. Suomalaisen ratsuvaen marssi. Helsinki, 1919.